

Елена ЛЕПИШЕВА

УДАР ПЕРОМ ПО ЖАНРОВЫМ СТЕРЕОТИПАМ, ИЛИ КАК ВЫЖИТЬ В «ДЕТЕКТИВНОМ ГЕТТО»?

Что такое «детективное гетто»? Решила использовать этот термин по аналогии с полуофициальным термином «гетто фантастическое». Не вдаваясь в историю возникновения этого ярлыка, укажу на общеизвестный факт: в литературе существуют жанры, которые генетически/априори/волею Судьбы оказались на периферии. Речь о жанрах, с помощью которых моделируются мир гротескно-фантастический и мир преступления. Почему же оптика научного восприятия помещает их в «гетто» интеллектуальной немилости как «продукты» заведомо несерьезной, развлекательной литературы?

Любопытно, что по сравнению с детективом «приговор» фантастике не столь категоричен.

Во-первых, «гротескный тип миметической репрезентации»¹ активно проявляется не только в фантастике как таковой, но и в других сегментах жанрово-стилевого диапазона, начиная с органичной для него прозы («Ночной Дозор» и, разумеется, «Дневной...» Сергея Лукьяненко, «Кысь» Татьяны Толстой, «Священная книга оборотня» и практически весь Пелевин, «Метро 2033» с продолжениями Дмитрия Глуховского... проще сказать, где его нет) и заканчивая не совсем «привычной», согласно родовой специфике, драматургией, где он заявляет о себе все активнее («Бытие № 2» Ивана Вырыпаева, «Кухня» Максима Курочкина и наинovelейшие: «За белым кроликом» (2018) Марии Огневой, «Девочка с головой волка» (2019) Алексея Житковского, «Когти в печень, никто не вечен» (2019) Юрия Клавдиева). Отсюда — ожидаемое «во-вторых»: наличие авторитетных литературоведческих исследований, дополнивших, как процитированная выше статья Сергея Лавлинского и Андрея Павлова, уже классические труды Юрия Манна, Юрия Лотмана, Натана Тамарченко, Цветана Тодорова.

Что касается детектива, то заряд недоверия кроется, видимо, в самой природе жанра — в намеренно игровом характере таких маркеров, как интрига (а ведь от ее занимательности зависит львиная доля успеха у аудитории), сюжета (напряженного, непредсказуемого, способного удерживать читательское внимание), героев, среди которых

Елена Лепишева — кандидат филологических наук, научный сотрудник кафедры русской литературы Белорусского государственного университета.

¹ Лавлинский С. П., Павлов А. М. Гротескно-фантастические аспекты новейшей драматургии / С. П. Лавлинский, А. М. Павлов // Новейшая драма XX—XXI веков: предварительные итоги: Сб. науч. ст. — Самара: Изд-во Самарского ун-та, 2016. — С. 90.

не только узнаваемые типажи «сыщика-профессионала» и «любителя», но и персонажи, создающие социально-исторический фон. А также в коммерциализации...

Ведь очевидно, что коммерциализация российских детективов в пространстве (вос)производства (вспомним нашумевших «литературных негров» Дарьи Донцовой, да и саму установку издательств на выход постоянно пополняемых серий) и потребления окончательно закрепила за детективом репутацию низкого жанра, эдакого «водевиля-боевика», который дается во время съезда и разъезда публики, или в нашем случае — любителям пощекотать нервы по дороге домой.

В связи с проблемой потребления неизбежной, откровенно «пунктфлоидной» стеной встают другие вопросы... Кто адресат современного детектива? С какой стороны ждать feedback этому «репрессированному» жанру, балансирующему между массовой и «высокой» литературой?

Все дело в том, что стальная нить детективной интриги присутствует во многих произведениях, начиная с «Преступления и наказания» Достоевского и заканчивая новейшими премиальными книгами, такими, как «Хуш» Ильдара Абузярова, «Город Брежнев» Шамиля Идиатуллина, «Лавр» Евгения Водолазкина. На другом полюсе — многочисленный детективный масслит «в дорогу». А вот золотой середины (качественной детективной беллетристики) в России будто бы и нет.

Так, новейшие тенденции в развитии жанра представлены в основном зарубежными образцами. Назову лишь наиболее значительные (хотя тенденций намного больше): *иммерсивные детективы*, в которых читатель фактически держит в руках протокол преступления и может вступить в соревнование с сыщиком (хонкаку детективы Созди Симады); детективы, использующие *достижения науки и экспертной практики* («Внутри убийцы» Майка Омера, «Свидетель защиты» Элизабет Лофтус, «Жертва подозреваемого Х» Кейго Хигасино); *детективы-психологические триллеры* («Девушка в поезде» Полы Хокинз, «Безмолвный пациент» Алекса Михаэлидеса), *неоклассические детективы*, на ниве которых выступила Джоан Роулинг под псевдонимом Роберт Гелбрейт; детективы направления *young adult*, которые за счет занимательного повествования и психологически точного описания школьной жизни и подростковой психологии интересны не только подросткам, но и их родителям («Охота» М. Беннет, «Один из нас лжет» Карен М. Макманус).

Что же мы видим на полках книжного магазина, отведенных российским авторам? В абсолютном большинстве случаев в наличии лишь два варианта: либо «женский» — в ярких цветных обложках, с неизбежной любовной линией, как правило, на обложке же и обозначенной, либо «мужской» — упакованный в суровые черно-красные тона. Вам какой? Несколько особняком стоит Борис Акунин с его псевдоисторическими детективами. Любопытен эксперимент Леонида Юзефовича, создавшего сыщика Путилина, на этот раз в жанре исторического детектива. Вот, пожалуй, и все.

А между тем российский детектив, как выясняется при ближайшем рассмотрении, тоже не стоит на месте и доказывает умение существенно обновить жанровые структуры, иными словами, намечает предполагаемые пути выхода из «гетто». Одной из таких стратегий мне видится игра со словом, вернее, с интерпретацией слова — особая оптика, «просвечивающая» трудно уловимый для целостной фиксации современный информационный мир, которую в детективах серии «филологическое расследование» использует Татьяна Шахматова.

Татьяна Шахматова не только автор романов, но также кандидат филологических наук, автор многочисленных научных публикаций, что в данном случае подчеркивает не профессиональный статус, а масштаб эстетического мышления, широкий творческий диапазон. Видимо, отсюда — редкий синтез занимательности и интеллектуальной

насыщенности текста, адресованного различной аудитории (от любителей словесных изысков до поклонников «бульварных» романов). Он же требует и особой исследовательской оптики, включающей обертоны литературоведческого анализа, критического обзора, читательской любознательности, открытости юмора и самоиронии эссе. Это в идеале. А теперь — то, что получилось, и по порядку.

На сегодняшний день издано пять книг: «Унесенные блогосферой» (2017), «Удар отточенным пером» (2017), «Убийство он сайт» (2018), «Иностраный русский» (2019), «Маньяк между строк» (2019). Две из них — «Убийство он сайт» (2018), «Иностраный русский» (2019) — и послужили «смотровой площадкой» для моих наблюдений.

Уже при беглом ознакомлении очевидна их основная особенность — *обновление традиционной жанровой структуры детектива*, которое предопределило вектор анализа поэтики. Безусловно, обращение к произведению сквозь призму жанра — тот еще камень преткновения, о который (если вспомнить название статьи) легко сломать не одно перо, учитывая модификацию традиционного канона в живом литературном процессе.

Не стал исключением и жанр детективного романа. Как известно, его история насчитывает не одно столетие (генетические связи обнаруживаются с древнеегипетской сказкой «Правда и Кривда», трагедией Софокла «Царь Эдип»), формирование жанрового кода происходит в середине XIX — начале XX века (творческая практика Эдгара По, Г. Честертон, Э. Габорио), а выделение четких дефиниций — в 1930–1970-е годы, «золотой век классического детектива» (романы А. Конан Дойла, А. Кристи, Ф. Бидинга). В конце XX — начале XXI века детективный роман реактуализируется в силу популярности массовой литературы, обновляется в условиях изменившейся художественной парадигмы с присущими ей межжанровым синтезом, дискретностью художественной структуры, что отражает «формирование в общественном сознании новой ценностной иерархии культуры, нового уровня осмысления реалий современной действительности»².

Казалось бы, вышесказанное ставит под сомнение новаторство Т. Шахматовой в данном жанре, так как к началу ее писательской деятельности уже преодолены отдельные признаки детективного романа, считавшиеся классическими (см. «Двадцать правил для пишущих детективы» С. С. Ван Дайна), в жанровой парадигме утвердились психологический детектив («Та, которой не стало» Буало-Нарсежака, «Ловушка для Золушки» С. Жапризо), исторический детектив («Приключения Эраста Фандорина» Б. Акунина), иронический детектив (И. Хмелевская, Д. Донцова), политический детектив («Заговор патриотов» В. Левашова) и др.

Однако следует учитывать и то, что обращение Т. Шахматовой к детективному роману предварено ее научными исследованиями в области жанровых структур (кандидатская диссертация «Традиции водевиля и мелодрамы в русской драматургии XX — начала XXI века» (Казань, 2009), что предполагает чуткость писательской оптики к жанровым модификациям, осознание философско-эстетического потенциала беллетристики, учитывая взаимовлияние жанров массовой и «высокой» литературы, активно изучающееся в литературоведении (работы Ю. Лотмана, М. Гаспарова, Н. Лейдермана, М. Липовецкого, А. Житенева).

Это позволило совместить устойчивые признаки детективного романа, сохранившие «память жанра» (схематичность сюжета, наличие сыщика, типичность персонажей, «гипердетерминированность» хронотопа³), и оригинальную эстетическую стратегию —

² Гончарова-Грабовская С. Я. Комедия в русской драматургии конца XX — начала XXI века: Учеб. пособие / С. Я. Гончарова-Грабовская. — М.: Флинта; Наука, 2006. — С. 5.

³ Вольский Н. Н. Загадочная логика. Детектив как модель диалектического мышления — [Электронный ресурс]: <http://detective.gumer.info/txt/volsky-1.doc> [Дата доступа — 22.05.2019].

опору на *анализ слова*, ставший стилеобразующим элементом и смысловым центром художественного универсума. Не случайно исследователь Мария Черняк называет такой тип детектива *альтернативным учебником русского языка*⁴.

Как указано в аннотации, «расследованием преступлений занимается эксперт-филолог с помощью собственной оригинальной методики» — лингвистического анализа, благодаря которому «сходятся все нити преступления». С моей точки зрения, установка на текстоцентричность, с одной стороны, восходит к традиции русской литературы XIX века, утвердившей миротворящее начало Логоса (случайно выпущенное «словечко» как двигатель сюжета в произведениях Сухово-Кобылина, Гоголя, Достоевского), с другой — свидетельствует об обращении к ключевому принципу постмодернистской культуры — «мир как текст». Отсюда — организующая роль *языка* в моделировании знаковых топосов художественной структуры детективных романов Т. Шахматовой.

На приоритет *слова* указывают их названия, отсылающие к известным литературным произведениям («Унесенные блогосферой» — «Унесенные ветром» М. Митчелл), содержащие лексемы, связанные с виртуальной реальностью, по сути своей интертекстуальной («Унесенные блогосферой», «Убийство он сайт»).

Кроме того, слово становится организующим началом в формировании жанровых маркеров детективного романа, к которым я отношу *сюжет, систему персонажей, хронотон*.

Так, типичный для детектива «схематичный» сюжет разворачивается с помощью весьма традиционной композиции, которой присущи и наличие загадочного происшествия, моделирующего интригу (исчезновение заведующей кафедрой в романе «Иностранный русский», утечка информации в «Убийстве он сайт»), и линия соперничества в раскрытии преступления (частные сыщики Берсеневы vs представители официальной полиции), и четкие причинно-следственные связи, исключая случайные совпадения, и исчерпанность конфликтной ситуации, расстановка акцентов в финале. С одной существенной оговоркой — принцип «головоломки», организующий последовательность эпизодов в детективе, опирается здесь на *текстологический анализ* «следов» преступления (смс, блогов, переписки в корпоративных чатах и социальных сетях), осуществляемый частными сыщиками — экспертом-филологом Викторией Берсеньевой и ее помощником, племянником Сашей. Не случайно именно он, недоучившийся студент филфака, ведет повествование: это упрощает изложение лингвистических методик, делает термины понятными без профессиональной подготовки.

Например, пытаясь поймать «крысу», «сливающую» секретную информацию в фирме IT-магната, сыщики-филологи используют «метод паттернов», суть которого, исходя из пояснений Берсеньева, в том, «что наш характер и образ мыслей, словно отпечаток на мокром песке, проявляется в речи: в том, какие именно слова мы подбираем, много или мало говорим, начинаем общение или только отбиваем подачи собеседника»⁵.

Удачной видится и социокультурная обусловленность сюжетообразующих ситуаций. Так, мотивы преступлений предопределены неблагоприятием частной сферы жизни, насыщенной типичными знаками постсоветской эпохи («„демонизация“ академической среды» в романе «Иностранный русский»⁶, будни крупной IT-корпорации в романе «Убийство он сайт»), в отличие от сюжетных схем многих иронических детективов, тяготеющих в силу акцентированной любовной линии к любовному роману,

⁴ Черняк М. Филологический детектив как альтернативный учебник русского языка / М. Черняк // Русская литература в иностранной аудитории: Сб. науч. ст. — СПб., 2018. — С. 49–69.

⁵ Шахматова Т. Убийство он сайт / Т. Шахматова. — М.: Эксмо, 2018. — С. 84.

⁶ Цит. по: Черняк М. Современный российский детектив: территория новых смыслов и жанровых трансформаций / М. Черняк // Библиотечное дело. — 2018. — № 10. — С. 6.

комедии положений, мелодраме («Русалка высшей пробы» Т. Луганцевой, «Черная полоса везения» Е. Гординой).

Традиционные и новаторские решения прослеживаются и на уровне *системы персонажей* детективных романов Т. Шахматовой. Как и положено произведениям данного жанра, центральное место отводится сыщикам. Автор вводит узнаваемую пару — *профессионала* (частного эксперта-филолога Викторию Берсеневу) и *любителя-компаньона* (ее племянника Сашу), каждый из которых выполняет типологические (воплощает определенный социально-психологический тип, мироощущение своего поколения) и сюжетообразующие (роль в развитии сюжета) функции.

Так, Виктория — представительница генерации рубежа XX—XXI веков, кандидат филологических наук, автор оригинальной методики раскрытия преступлений, существующей на стыке юридической лингвистики, криптолингвистики, корпусной лингвистики⁷. Автор наделяет ее присущими типу *сыщика-профессионала* высоким интеллектом, незаурядным мышлением, широким кругозором, подкрепленными прямыми отсылками к образу Шерлока Холмса. Это увеличивает когнитивный потенциал текста, а также «движет» сюжет, разворачивающийся как стратегия филологического расследования преступления.

И вместе с тем Виктория не лишена черт, сближающих ее с героинями иронических женских детективов: внешней привлекательности, элегантного «лоска», уверенности в себе, снобизма. Об этом свидетельствуют афористические высказывания Берсеневой («Одиночеством надо уметь наслаждаться»⁸), и в особенности — описание ее внешности Сашей («ледяная королева»⁹, «Сейчас она была похожа скорее на пуму: грациозная и черная»¹⁰, «Длинные волосы свободно струились по воде, напоминая об образах женщин-русалок»¹¹). При этом именно косвенные характеристики, среди которых фигурируют лень, инертность, связанные с символом-лейтмотивом *диван*, препятствуют идеализации Виктории, несколько травестируют ее образ, отражая авторскую иронию по отношению к штампам массовой литературы.

Что касается образа Саши, то не вызывает сомнений его сюжетообразующая функциональность: он совмещает традиционные типы *сыщика-любителя* (как и для мисс Марпл, поиск преступника для него скорее хобби; кроме того, заблуждения Саши «разбавляют» интеллектуальную доказательную базу Виктории, «приближая» расследование к читателю) и *компаньона сыщика* (как и доктор Ватсон, Берсенев «оттеняет» выдающиеся способности своей родственницы, является нарратором).

Но вот типологический аспект образа вызывает некоторые вопросы. С одной стороны, точно выверены социально-психологические характеристики Саши (незаконченное филологическое образование, становление в неполной семье, интеллектуальные интересы), переданные через его речь. Это существенно углубляет образ, придает ему индивидуальность, неповторимую нюансировку, лишая «заданной» жанром детектива однозначности.

И все же спорным видится тип мироощущения, стоящий за высказываниями, вложенными в уста героя. Да, перед нами начинающий филолог, ориентированный на духовную культуру, что эстетически оправдывает такие черты, как литературный багаж (его повествование насыщено цитатами и аллюзиями из произведений Л. Толстого,

⁷ Шахматова Т. «Филологическая дева — та еще заноза» / Т. Шахматова [Электронный ресурс]: <https://realnoevremya.ru/articles/81609-intervyu-s-pisatelem-tatyanoy-shahmatovoy> [Дата доступа — 12.06.2019].

⁸ Шахматова Т. Иностраный русский / Т. Шахматова. — М.: Эксмо, 2019. — С. 290.

⁹ Шахматова Т. Убийство он сайт / Т. Шахматова. — М.: Эксмо, 2018. — С. 33.

¹⁰ Указ. соч. — С. 155.

¹¹ Указ. соч. — С. 238.

А. Чехова, М. Булгакова, С. Есенина, В. Набокова, Ш. Бронте, А. Кларка и др.), широкий кругозор (легкие замечания Саши об истории, этнографии Латинской Америки в романе «Убийство он сайт»), эмоциональная чуткость, которая в противовес резкости Виктории помогает эффективнее взаимодействовать с айтишниками («Убийство он сайт»), преподавателями кафедры РКИ («Иностранный русский»), коммуникабельность, очевидная в эпизодах с иностранными студентами («Иностранный русский»), жителями эквадорской глубинки («Убийство он сайт»).

Но вместе с тем повествование Саши демонстрирует жизненную опытность, глубину философских обобщений, не свойственную «миллениалам» (представителям поколения 2010-х годов), которых сам же герой характеризует как людей, привыкших «не подбирать слова, а выражать эмоции смайлами»¹². Это особенно ощутимо в рассуждениях о судьбе («какие на самом деле силы и причины крутят ручки этого странного поворотного круга, когда неизбежное крушение вдруг оборачивается благоприятным исходом»¹³), тонкостях взаимоотношений мужчины и женщины («просьба о любви — это настоящий проход по канату над горящей пропастью»¹⁴). Думается, подобные лаконичные, философски емкие фразы выглядели бы более естественно в монологах Виктории, нежели ее 23-летнего племянника.

Вышесказанное несколько не умаляет высокого уровня передачи речевого поведения персонажей, которое способствует их индивидуализации, несмотря на некоторую стереотипность, «диктуемую» жанром. Чего стоят сленг и эмодзи айтишников, излюбленные эпитеты «тимбилдера» Анатоля «*позитивный*», «*толерантный*» в «Убийстве он сайт», неистребимые временем канцеляризм майора Мачихо («так будет с каждым, кто будет давать студентам непродуманные и несанкционированные задания»¹⁵, «ваши студенты разлагаются и нарушают устав»¹⁶) в «Иностранном русском»!

Не нуждается в «неумаляющих» оборотах, привносящих тон извинения в научные работы, и авторское моделирование *хронотопа* в романах. Уже не боясь утомить читателя, подчеркну, что пространственно-временные координаты действия — одна из творческих удач Т. Шахматовой.

Так, художественное время-пространство социокультурно маркировано с помощью *языка*: именно речь персонажей раскрывает особенности жизни в различных странах, будь то белорусско-украинское пограничье времен перестройки в воспоминаниях IT-магната Павла Кнопкина («Убийство он сайт») либо социальный кризис в Афганистане, нашедший отражение в косноязычных фразах студентов РКИ («Иностранный русский»).

Кроме того, автор обращается к экзотике — культуре и быту Центральной Азии («Иностранный русский»), Латинской Америки («Убийство он сайт»), что усиливает занимательность повествования, формирует интригу, создает атмосферу «тайны». При этом экзотические детали (джетлаг, шайтан-автобус, поедание куя, бабако, гуанабаны в «Убийстве он сайт») вводятся нарратором уместно (соответствуют знакомству с ними воспринимающего субъекта), что увеличивает рецептивный потенциал текста.

Особого внимания заслуживают красочные пейзажные зарисовки, эстетически оправданные в силу таких качеств Берсеньева-повествователя, как восприимчивость к многообразию мира, умение разглядеть мельчайшие детали. Приведу лишь один из многочисленных примеров — описание спуска к океану в романе «Убийство он сайт»:

¹² Указ. соч. — С. 75.

¹³ Указ. соч. — С. 203.

¹⁴ Шахматова Т. Иностранный русский / Т. Шахматова. — М.: Эксмо, 2019. — С. 243.

¹⁵ Там же. — С. 239.

¹⁶ Указ. соч. — С. 263.

Автомобильная дорога змейкой скользила между горами, которые вызвали ассоциации с древними гигантами, спящими под пушистыми зелеными одеялами. Однако красоту природных видов дополняли штрихи пейзажа вполне рукотворного. Я заметил более сотни машин, грузовиков и даже несколько фур, разметанных по склонам и угнездившихся в ущельях. Машины стыдливо выглядывали из окрестных кусков, как будто старались скрыть свою техногенную сущность и максимально слиться с ландшафтом. Одна фура даже живописно сочеталась с гигантским базальтовым валуном, который какой-то из дремлющих великанов выкорчевал в свое время из самого сердца матушки-земли и зашвырнул что было мочи куда глаза глядят¹⁷.

Подходя итог, подчеркну, что новаторство Т. Шахматовой в жанре детективного романа способствует его дальнейшему развитию, намечая тем самым один из путей выхода из «детективного гетто». А они вырисовываются более-менее отчетливо как 1) сближение с психологическим романом (выражение индивидуальности персонажей через язык); 2) формирование «*конспирологического детектива*» (репрезентирующего такие понятия, как «истина», «реальность»¹⁸); 3) появление «*филологического детектива*», выстроенного на разгадке преступления с помощью лингвистического анализа (чему, собственно, и посвящена статья).

Это предположение ученого, солидарного с коллегами и специалистами, включившими роман «Иностраный русский» в топ лучших детективов 2019 года¹⁹. А вот мнение читателя: интеллектуальная насыщенность и стилевое обаяние произведений детектива-филолога разрушают стереотипы о «второсортности» массовой литературы, «настраивают» мышление на позитивный лад, способствуют преодолению недоверия постмодернистской культуре.

¹⁷ Шахматова Т. Убийство он сайт / Т. Шахматова. — М.: Эксмо, 2018. — С. 177.

¹⁸ Амирян Т. Они написали заговор. Конспирологический детектив от Дэна Брауна до Юлии Кристевой / Т. Амирян. — М.: Фаланстер, 2013.

¹⁹ См. список лучших детективов на сайте <https://libs.ru/collections/51/>.